

Лейтмотивом всех размышлений Пселла является суждение об изменчивости, противоречивости человеческой личности. Эта диалектичность также идет и от поздней античной традиции (стоицизм), и от христианской этики, которая в крайних выражениях выводит изменчивость из противоположности смертного тела и бессмертной души. Именно так рассуждал современник Пселла *Никита Стифат* в «Слове о душе»: человек «смертен и бессмертен», «велик и ничтожен», он — «необычайное смешение противоположностей».

Пселл видел основание изменчивости человека в различии «натуры и воспитания», т. е. давал ей земное истолкование. Полагая эти противоречия естественными, он не столько осуждал их, сколько каждый раз пытался объяснить их обстоятельствами, принуждающими к приспособливанию. Изменчивость и противоречивость — норма человеческого характера, постоянство и цельность — исключение. И хотя Пселл достаточно часто осуждал те или иные пороки и восхвалял добродетели, сам он не был склонен к принятию аскетического идеала. Окруженный монашеством, он нередко говорил о добродетелях простых иноков. «Я не так люблю искусных и мудрых мужей, как бесхитростных стариков вроде тебя: язык у них всегда в согласии с сердцем, речь сдобрена солью, а стиль письма простой, но одухотворенный»¹, — писал он одному старцу.

В этических взглядах Пселла значительное место уделено дружбе. Для Пселла дружба — род универсальной добродетели, способной заменить многие другие. Непременны и правила дружбы: она всемогуща, особенно если связывает людей разумных и деятельных; у друзей все общее; истинный друг немедленно исполняет просьбы; ходатайство за друга — удовольствие, удовлетворение просьбы — лучшее проявление дружбы; друг любит друзей своего друга; достаточно сказать другу о некоем третьем лице: «Это — мой друг», чтобы для него друг сделал все возможное.

Каким же образом, с точки зрения Пселла, можно соотносить требования дружбы и требования справедливости? Именно в решении этой проблемы обнаруживается

¹ Там же. С. 98.